

Научная статья

УДК: 343

DOI:10.17323/2072-8166.2024.1.112.132

Преступления на торгах

Алексей Николаевич Лясколо

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Россия 101000, Москва, Мясницкая ул., 20, lyaskalo@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3434-0233>

Аннотация

Накопившаяся антимонопольная и судебная практика по делам о картелях, недавние изменения законодательства о конкуренции («пятый антимонопольный пакет», связанный с отменой «картельных иммунитетов» для торгов) и последние решения Конституционного Суда Российской Федерации (определения от 25.04.2023 № 757-О; и № 1027-О; от 19.04.2023 № 19-П; от 30.03.2023 № 12-П) позволяют подвести промежуточные итоги и спрогнозировать дальнейшее развитие новой практики уголовно-правового противодействия картельным соглашениям участников торгов. Не меньшим научным интересом обладает и обратная сторона медали, представляющая собою судебную практику по делам о преступлениях представителей заказчика на торгах, которая также претерпевает существенные изменения, связанные с появлением новых и дополнением существующих уголовно-правовых запретов в данной сфере. Цель настоящего исследования состоит в выявлении проблем квалификации преступлений на торгах и выработке научно обоснованных предложений по их разрешению. В этом ракурсе рассматриваются дискуссионные вопросы квалификации ограничения конкуренции (ст. 178 УК), злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК), превышения должностных полномочий (ст. 286 УК), получения взятки (ст. 290 УК), злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд (ст. 200.4 УК), подкупа работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок (ст. 200.5 УК), а также преступлений против собственности, совершаемых в связи с закупочными процедурами (ст. 159 и 160 УК). В рамках исследования с использованием формально-юридического метода проанализировано законодательство о конкуренции и о регулируемых закупках, лежащее в основе рассматриваемых уголовно-правовых запретов. С помощью системно-структурного метода исследовались составы преступлений на торгах. Методы статистического анализа и толкования права применялись для анализа судебной практики и выработки правил квалификации указанных преступлений.

Ключевые слова

картель; торги; аукцион; конкурс; конкуренция; ограничение конкуренции; взятка; мошенничество; растрата.

Для цитирования: Ляскало А.Н. Преступления на торгах // Право. Журнал Высшей школы экономики. Том 17. № 1. С. 112–132. DOI: 10.17323/2072-8166.2024.1.112.132

Research article

Crimes at Competition

Aleksey N. Lyaskalo

National Research University Higher School of Economics, 20 Myasnitskaya Street, Russia 101000, Moscow 101000, Russia, lyaskalo@list.ru

Abstract

The accumulated antimonopoly and judicial practice in cases of cartels, recent changes in competition legislation (the so-called “fifth antimonopoly package” associated with the abolition of “cartel immunities” for bidding) and the latest decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation (determination of April 25, 2023 No. 757-O; resolution of April 25, 2023 No. 1027-O; resolution of April 19, 2023 No. 19-P; resolution of March 30, 2023 No. 12-P) allow us to sum up interim results and predict further development new practice of criminal law countering cartel agreements among bidders. Of no less scientific interest is the “other side of the coin”, which is judicial practice in cases of crimes committed by customer representatives at auctions, which is also undergoing significant changes associated with the emergence of new and additions to existing criminal law prohibitions in this area. The purpose of this study is to identify problems of qualifying crimes at auctions and to develop scientifically based proposals for their resolution. From this perspective, we consider the controversial issues of qualifying restrictions on competition (Article 178 of the Criminal Code of the Russian Federation), abuse of official powers (Article 285 of the Criminal Code), abuse of official powers (Article 286 of the Criminal Code of the Russian Federation), taking a bribe (Article 290 of the Criminal Code), abuse in the field of procurement goods, works, services to meet state or municipal needs (Article 200.4 of the Criminal Code), bribery of a contract service employee, contract manager, member of the procurement commission (Article 200.5 of the Criminal Code), as well as crimes against property committed in connection with procurement procedures (Articles 159 and 160 of the Criminal Code). As part of the study, using the formal legal method, the legislation on competition and regulated procurement, which underlies the criminal law prohibitions under consideration, was analyzed. Using the systemic-structural method, the elements of crimes at competition were studied. Methods of statistical analysis and interpretation of law were used to analyze judicial practice and develop rules for classifying these crimes.

Keywords

cartel; bidding; auction; concourse; competition; restriction of competition; bribe; fraud; embezzlement.

For citation: Lyaskalo A.N. (2024) Crimes at Competition. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 17, no. 1, pp. 112–132 (in Russ.). DOI:10.17323/2072-8166.2024.1.112.132

Введение

Закупки остаются лидерами в рейтинге самых криминогенных сфер экономической деятельности. При этом повышенные уголовно-правовые риски характерны для регулируемых закупок, осуществляемых в рамках Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее — Закон № 44-ФЗ) и Федерального закона от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (далее — Закон № 223-ФЗ)¹. Торги как наиболее конкурентные способы закупок, проводимые преимущественно на электронных площадках, в условиях максимальной информационной открытости и прозрачности, не только не исключают уголовно-правовых рисков, но и характеризуются повышенной криминальной активностью, поскольку именно на торгах распределяются самые крупные заказы и конкурируют ведущие рыночные игроки, а, значит, «игра стоит свеч».

Судебная практика по уголовным делам о картелях на торгах складывается неоднозначно и не совпадает с подходами арбитражных судов при рассмотрении соответствующей категории дел об административных правонарушениях. Острота споров и накопившиеся проблемы судебной практики по делам о картелях потребовали вмешательства Конституционного Суда Российской Федерации (далее — КС РФ), неоднократно в 2023 году рассматривавшего вопросы о проверке конституционности взаимосвязанных положений законодательства о конкуренции и уголовного законодательства².

Вопросам разграничения должностных, коррупционных и имущественных преступлений посвящен ряд постановлений Пленума Вер-

---

¹ В отличие от регулируемых закупок, «коммерческие закупки», осуществляемые частными компаниями, не имеющими преобладающего государственного участия в уставном капитале, проводятся в соответствии с внутренними документами таких компаний, с минимальным набором предъявляемых к ним регуляторных требований, которые сводятся к соблюдению общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре (в частности, ст. 447–449 ГК РФ) и Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции». В судебной практике по уголовным делам редко встречаются примеры преступлений в сфере коммерческих закупок. При этом для них присущи в основном такие же уголовно-правовые риски, что и для регулируемых закупок.

² См.: определения Конституционного Суда Российской Федерации от 25.04.2023 № 757-О и от 25.04.2023 № 1027-О; постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 19.04.2023 № 19-П и от 30.03.2023 № 12-П // СПС КонсультантПлюс.

ховного Суда Российской Федерации (далее — ВС РФ)³. Однако и этих разъяснений оказывается недостаточно для разрешения множества возникающих в судебной практике проблем квалификации преступлений, совершаемых представителями заказчика на торгах.

В настоящей работе рассмотрены основные проблемы квалификации преступлений на торгах, в том числе преступлений участников торгов и преступлений заказчика на торгах; особое внимание уделено сложным вопросам квалификации картелей, должностных, коррупционных и имущественных преступлений на торгах⁴.

1. Преступления участников торгов

Настоящим хитом уголовно-правовой повестки дня стала не имевшая практического применения, но внезапно ожившая в 2018 году ст. 178 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК) об уголовной ответственности за ограничивающие конкуренцию картельные соглашения^{5,6}. Симметричным ответом стала активизация научных исследований на эту набирающую популярность тему. При этом наиболее острые проблемы квалификации ограничения конкуренции, разобранные в доктрине, заиграли новыми красками в свете последних тенденций судебной практики, практикообразующих решений КС и новых законодательных инициатив.

Картели на торгах остаются в фокусе пристального внимания Федеральной антимонопольной службы (далее — ФАС) и составляют существенную долю дел об антиконкурентных соглашениях⁷. Уголовные дела

---

³ См.: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий»; постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // СПС КонсультантПлюс.

⁴ За рамками настоящей работы оставлены преступления, совершаемые на этапе исполнения контрактов, заключенных по результатам торгов (включая выполнение государственного оборонного заказа).

⁵ По данным ФАС в России возбуждено уголовных дел по ст. 178 УК РФ: в 2018 г. — 15; в 2019 г. — 22; 2020 г. — 21; в 2021 г. — 17; в 2022 г. — 12. Available at: URL: <http://fas.gov.ru> (дата обращения: 25.09.2023)

⁶ По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в 2018–2022 гг. по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 178 УК РФ, судами приняты решения по существу в отношении 21 лица, в том числе 17 лиц осуждено. Available at: URL: <http://cdep.ru> (дата обращения: 25.09.2023)

⁷ Федеральной антимонопольной службой возбуждено дел об ограничивающих конкуренцию соглашениях (из них картели и другие антиконкурентные соглашения на торгах): в 2018 г. — 768 (332); в 2019 г. — 944 (320); в 2020 г. — 625 (247); в 2021 г. — 420 (187); в 2022 г. — 305 (129). Available at: URL: <http://fas.gov.ru> (дата обращения: 25.09.2023)

по ст. 178 УК возбуждаются только по признакам картельного сговора на торгах. Подходы к квалификации картелей на торгах в антимонопольной, арбитражной и судебной практике по уголовным делам не во всем совпадают, хотя применяется одно и то же антимонопольное законодательство.

В ст. 178 УК деяние сформулировано как заключение между хозяйствующими субъектами-конкурентами ограничивающего конкуренцию соглашения (картеля), запрещенного антимонопольным законодательством, под которым понимается Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее — Закон № 135-ФЗ). В соответствии с ч. 1 ст. 11 Закона № 135-ФЗ картелем признается соглашение между хозяйствующими субъектами-конкурентами, т.е. между хозяйствующими субъектами, осуществляющими продажу товаров на одном товарном рынке, или между хозяйствующими субъектами, осуществляющими приобретение товаров на одном товарном рынке, если такие соглашения приводят или могут привести к:

- установлению или поддержанию цен (тарифов), скидок, надбавок (доплат) и (или) наценок;

- повышению, снижению или поддержанию цен на торгах;

- разделу товарного рынка по территориальному принципу, объему продажи или покупки товаров, ассортименту реализуемых товаров либо составу продавцов или покупателей (заказчиков);

- сокращению или прекращению производства товаров;

- отказу от заключения договоров с определенными продавцами или покупателями (заказчиками).

Согласно п. 17 ст. 4 Закона № 135-ФЗ признаками ограничения конкуренции могут быть:

- сокращение числа хозяйствующих субъектов, не входящих в одну группу лиц, на товарном рынке;

- рост или снижение цены товара, не связанные с соответствующими изменениями иных общих условий обращения товара на товарном рынке;

- отказ хозяйствующих субъектов, не входящих в одну группу лиц, от самостоятельных действий на товарном рынке;

- определение общих условий обращения товара на товарном рынке соглашением между хозяйствующими субъектами или в соответствии с обязательными для исполнения ими указаниями иного лица либо в результате согласования хозяйствующими субъектами, не входящими в одну группу лиц, своих действий на товарном рынке;

- иные обстоятельства, создающие одному или нескольким хозяйствующим субъектам возможность в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товара на товарном рынке;

установление органами государственной власти, органами местного самоуправления, организациями, участвующими в оказании государственных или муниципальных услуг, при участии в оказании таких услуг требований к товарам или к хозяйствующим субъектам, не предусмотренных законодательством России.

В уголовно-правовой литературе возникла дискуссия о значении последствий, предусмотренных п. 17 ст. 4 и ч. 1 ст. 11 Закона № 135-ФЗ, для состава ограничения конкуренции по ст. 178 УК. С одной стороны, отстаивалась точка зрения о том, что ограничение конкуренции является самостоятельным последствием, от наступления которого зависит наличие состава рассматриваемого преступления [Есаков Г. А., 2019]; [Антонов В. Ф., 2021].

С другой стороны, ограничение конкуренции не признавалось самостоятельным признаком преступления, предлагалось опираться на антимонопольное законодательство, по смыслу которого картель сам по себе признается ограничивающим конкуренцию соглашением, а также антимонопольную практику, для которой фактическое ограничение конкуренции не требует самостоятельного доказывания [Яни П. С., 2020].

Суды по-разному подходили к оценке последствий картельных соглашений. В большинстве изученных автором настоящей статьи судебных актов этот вопрос судом вообще не затрагивался, что, наверное, можно рассматривать как поддержку последней из приведенных научных позиций. Некоторые суды отрицали необходимость доказывания ограничения конкуренции⁸, другие приходили к противоположным выводам⁹.

В ряде судебных актов ограничение конкуренции было подробно описано в формуле обвинения с приведением доказательств наступления соответствующих последствий. Например, суд пришел к выводу, что картельное соглашение привело к поддержанию высоких цен на торгах (п. 2 ч. 1 ст. 11 Закона № 135-ФЗ) и к отказу хозяйствующих субъектов, не входящих в одну группу лиц, от самостоятельных действий на товарном рынке, а также определению общих условий обращения товара на товарном рынке соглашением между хозяйствующими субъектами (п. 17 ст. 4 Закона № 135-ФЗ)¹⁰.

Как показал анализ судебной практики по уголовным делам о картелях на торгах, сговор участников торгов всегда приводил к минимально-

⁸ См.: приговор Самарского районного суда Самары от 31.07.2019 по делу № 1-4/2019 // ГАС РФ «Правосудие».

⁹ См.: приговор Октябрьского районного суда Самары от 21.09.2021 по делу № 1-541/2020 // ГАС РФ «Правосудие».

¹⁰ См.: приговор Новгородского районного суда Новгородской области от 10.03.2021 по делу № 1-18/2021 // ГАС РФ «Правосудие».

му снижению объявленной заказчиком начальной (максимальной) цены контракта, т.е. поддержанию цен на торгах, в чем проявляются признаки картеля. Присущее картелям на торгах «подыгрывание» участнику торгов, о победе которого договорились стороны картельного соглашения, либо неучастие в торгах, является свидетельством отказа хозяйствующих субъектов, не входящих в одну группу лиц, от самостоятельных действий на товарном рынке и одним из признаков ограничения конкуренции.

В свете изложенного видится не критичным спор о необходимости доказывания последствий картельного соглашения, предусмотренных п. 17 ст. 4 и ч. 1 ст. 11 Закона № 135-ФЗ, поскольку они являлись неизбежным следствием картельных соглашений на торгах и всегда подтверждались собранными по делу доказательствами. Этот сугубо технический вопрос сводится к описанию таких последствий в формуле обвинения.

Более существенной для практики применения ст. 178 УК РФ является проблема выявления конкурентных отношений между участниками торгов, так как картель по определению антимонопольного законодательства, продублированному в диспозиции этой уголовно-правовой нормы, возможен только между субъектами-конкурентами. В силу п. 22 постановления Пленума ВС РФ от 4.03. 2021 № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства» подлежит доказыванию факт того, что участники картеля являются конкурентами на товарном рынке и достигнутые между ними договоренности имеют предмет, определенный в п. 1–5 ч. 1 ст. 11 Закона № 135-ФЗ (далее — Постановление Пленума ВС РФ № 2). Другими словами, антимонопольный орган в делах о картелях должен доказать конкурентные отношения между хозяйствующими субъектами для вменения им картельного соглашения.

В силу п. 7 ст. 4 Закона № 135-ФЗ под конкуренцией понимается соперничество хозяйствующих субъектов, при котором самостоятельными действиями каждого из них исключается или ограничивается возможность каждого из них в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке. Конкурентные отношения, как и возможность заключить картельное соглашение, отрицаются при подконтрольности хозяйствующих субъектов одному лицу, основанной на праве распоряжаться более чем 50% общего количества голосов, принадлежащих на голосующие акции (доли), составляющие уставный (складочный) капитал юридического лица, либо осуществлении функций исполнительного органа юридического лица (ч. 7 и 8 ст. 11 Закона № 135-ФЗ).

Узость указанного «картельного иммунитета», не учитывающего множество других оснований подконтрольности, компенсировалась в

арбитражной судебной практике проверкой участников торгов по критерию «субъектов-конкурентов», когда при их фактической аффилированности суды отрицали картельное соглашение¹¹. Эту обоснованную судебную практику подтвердила высшая судебная инстанция в п. 28 Постановления Пленума ВС РФ № 2, согласно которому, если контроль в группе лиц осуществляется в иных формах, не предусмотренных ч. 7 и 8 ст. 11 Закона № 135-ФЗ, ограничение конкуренции возможно только если такие лица являются конкурентами. Косвенно эту правовую позицию поддержал и КС РФ, признавший при этом конституционность ч. 8 ст. 11 Закона № 135-ФЗ об ограниченных формально-юридических основаниях подконтрольности, предполагающих «картельный иммунитет»¹².

В теории уголовного права предлагалось применять аналогичный подход в делах о преступлениях, предусмотренных ст. 178 УК РФ [Есаков Г. А., 2020]; [Яни П. С., 2020]; [Грибанова Д. В., 2023]. Однако в судебной практике по уголовным делам не всегда применялся критерий «субъектов-конкурентов», что приводило к спорным выводам судов о картельных соглашениях между аффилированными лицами, фактически действующими с единым экономическим интересом.

Например, по п. «а» ч. 2 ст. 178 УК осуждены представители трех ООО, победивших в 95 электронных аукционах на поставку товаров медицинского назначения и заключивших государственные контракты с медицинскими учреждениями Республики Карелия на общую сумму более 73 млн. руб. Осужденные лица путем дачи взяток обеспечили подготовку аукционной документации таким образом, чтобы ей максимально соответствовали представляемые ими ООО, которые по очереди становились победителями в аукционах с минимальным снижением цены контрактов. ООО фактически находились под общим контролем осужденных, которые являлись их участниками и (или) директорами, но не имели «картельного иммунитета», предусмотренного ч. 7 и 8 ст. 11 Закона № 135-ФЗ¹³.

---

¹¹ См., напр.: решения Арбитражного суда Свердловской области от 11.03.2022 по делу № А60-46538/2021, от 7.09.2021 по делу № А60-12421/2021, решения Арбитражного суда Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 05.04.2021 по делу № А75-16013/2020, от 17.02.2021 по делу № А75-15776/2020, решение Арбитражного суда Москвы от 27.04.2022 по делу № А40-43715/22. Available at: URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 25.09.2023)

¹² См.: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30.03.2023 № 12-П «По делу о проверке конституционности части 8 статьи 11 и пункта 1 статьи 17 Федерального закона “О защите конкуренции” в связи с жалобой акционерных обществ “Специализированный застройщик “Кошелев-проект” Самара” и “Кошелев-проект”» (п. 4.1) // СПС КонсультантПлюс.

¹³ См.: приговор Московского районного суда Санкт-Петербурга от 23.12.2019 по делу № 1-1041/2019 // ГАС РФ «Правосудие».

По другому делу обвинительный приговор вынесен по п. «а», «в» ч. 2 ст. 178 УК РФ в отношении директоров двух ООО, одно из которых победило в трех электронных аукционах и заключило контракты на дорожное строительство в Ставропольском крае на общую сумму около 400 млн. руб., а другое приняло номинальное участие в торгах. Установлено, что от имени обоих ООО на торгах действовало одно и то же лицо, которое являлось директором в одном ООО и управляющим по договору доверительного управления 100% долей в другом ООО, директором которого номинально являлась его теща. ФАС России и арбитражные суды отказали в применении к группе лиц «картельного иммунитета» по формальным основаниям, что однако не означало конкурентных отношений между ООО. Спорный приговор¹⁴ поддержан апелляционной¹⁵ и кассационной инстанциями¹⁶.

В то же время в деле в отношении директоров двух ООО, которые, по версии обвинения, заключили картельное соглашение, позволившее им стать победителями в девяти электронных аукционах с минимальным снижением начальной (максимальной) цены контрактов и заключить договоры на строительство автомобильных дорог на территории Самары на общую сумму 2,2 млрд. руб., суд пришел к выводу, что указанные ООО не являлись конкурентами, так как 100 % доли в них принадлежали одному физическому лицу и действовали они в едином экономическом интересе. Это означало наличие «картельного иммунитета», предусмотренного ч. 7 и 8 ст. 11 Закона № 135-ФЗ. В результате по делу вынесен оправдательный приговор¹⁷, поддержанный апелляционной инстанцией¹⁸.

Приведенные практические примеры показывают, что суды по уголовным делам в большей степени, чем арбитражные суды, ориентируются на формальные основания «картельного иммунитета» и не склонны к использованию критерия «субъектов-конкурентов».

10.07.2023 по инициативе ФАС России принят Федеральный закон № 301-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О защите конкуренции”» («пятый антимонопольный пакет») с целью регулирования

---

¹⁴ См.: приговор Промышленного районного суда Ставрополя от 29.09.2020 по делу № 413–2020.

¹⁵ См.: апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Ставропольского краевого суда от 18.11.2020 по делу № 22–5911/2020.

¹⁶ См.: кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 14.09.2021 по делу № 77–1135/2021.

¹⁷ См.: приговор Октябрьского районного суда Самары от 21.09.2021 по делу № 1–541/2020 // ГАС РФ «Правосудие».

¹⁸ См.: апелляционное определение Самарского областного суда от 20.04.2022 по делу № 22–1629/2022 // ГАС РФ «Правосудие».

деятельности цифровых платформ, занимающих доминирующее положение на рынке агрегаторов и маркетплейсов. Почти незаметно (по крайней мере, это никак не анонсировалось) этим Законом также изменена ч. 7 ст. 11 Закона № 135-ФЗ и упразднены «картельные иммунитеты» для торгов. В связи с этим вполне можно ожидать всплеск антимонопольной и арбитражной практики, а также идущей в их фарватере судебной практики по уголовным делам о «картельных соглашениях» аффилированных лиц.

Стремление ФАС России бороться с недобросовестной практикой номинального участия в торгах аффилированных лиц, манипулирующих с ценой контракта, заслуживает поддержки, но с использованием для этих целей не подходящих по своей конструкции антимонопольных и уголовно-правовых запретов вряд ли можно согласиться.

Следующий обсуждаемый в теории уголовного права вопрос касается содержания признака «доход» по смыслу ст. 178 УК РФ. В частности, предлагалось определять его как излишний доход по аналогии с доходом для целей применения ст. 185.3 УК [Есаков Г. А., 2022]. Согласно другой (более распространенной) позиции, под доходом следует понимать выручку, как это определено в п. 12 постановления Пленума ВС РФ от 18.11.2004 № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» для целей применения ст. 171 УК РФ [Яни П. С., 2020].

В судебной практике по уголовным делам доход определялся как фактически полученная выручка по заключенному на торгах контракту¹⁹, в том числе как сумма выручки, полученной по нескольким контрактам, заключенным в рамках единого картельного соглашения²⁰. Когда расчеты по контракту не производились или производились не в полном объеме, содеянное квалифицировалось как покушение на получение дохода в размере цены контракта²¹. В отдельных случаях доход определялся как цена заключенного контракта, когда фактически полученная выручка была меньшего размера²².

Точку в вопросе определения признака «доход» для целей применения ст. 178 УК поставил Конституционный Суд России, определив его как

---

¹⁹ См.: приговор Волжского районного суда Саратова от 03.12.2019 по делу № 1-243/2019 // ГАС РФ «Правосудие».

²⁰ См.: приговор Октябрьского районного суда Самары от 21.09.2021 по делу № 1-541/2020 // ГАС РФ «Правосудие».

²¹ См.: приговор Новгородского районного суда Новгородской области от 10.03.2021 по делу № 1-18/2021; приговор Железнодорожного районного суда Новосибирской области от 28.08.2019 по делу № 1-269/2019; приговор Самарского районного суда Самары от 31.07.2019 по делу № 1-4/2019 // ГАС РФ «Правосудие».

²² См.: приговор Октябрьского районного суда Владимира от 30.03.2023 по делу № 1-6/2023 // ГАС РФ «Правосудие».

цену контракта, заключаемого по результатам торгов, без ее уменьшения на размер каких-либо расходов²³. Это разъяснение может дезориентировать, так как цена контракта еще не означает фактического дохода. Однако, из приведенных в том же судебном акте рассуждений высшей судебной инстанции о том, что доход по смыслу ст. 178 УК должен определяться по аналогии с доходом в ст. 171 УК, под которым понимается выручка, становится понятно, что неполный расчет по контракту будет означать покушение на извлечение дохода на сумму оплаты по контракту, соответствующей крупному или особо крупному размеру.

Признак «ущерб» для целей применения ст. 178 УК РФ предлагается трактовать как упущенную выгоду за отсутствием у картельного соглашения способности причинения реального ущерба [Есаков Г.А., 2022]. В некоторых источниках такой подход ставится под сомнение [Филатова М.А., 2022]; [Ермолович Я.Н., 2019]. Единственный в опубликованной пока судебной практике пример квалификации ограничения конкуренции по признаку причинения ущерба связан с упущенной выгодой добросовестного участника торгов, проигравшего аукцион из-за картельного соглашения. Упущенная выгода определена в размере 13 млн. руб., исходя из прибыли, которую мог получить добросовестный участник торгов в случае победы на них. Приговор суда первой инстанции²⁴, поддержанный при первичном рассмотрении в апелляционной инстанции²⁵, в конечном счете отменен с возвращением дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции из-за сомнений в выводах суда о причиненном ущербе²⁶.

Примененный по этому делу подход к расчету ущерба, приемлемый для арбитражного судопроизводства, в силу его вероятностного характера не подходит для уголовного судопроизводства из-за различия в стандартах доказывания. Предполагаемая прибыль может быть получена в меньшем размере или даже не получена вовсе из-за изменения рыночных условий и увеличения себестоимости. Вероятно, правоприменители не взяли бы доказывать признак ущерба по данному делу, если

---

²³ См.: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19.04.2023 № 19-П «По делу о проверке конституционности части 1 и пункта «в» части второй статьи 178 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также пункта 1 примечаний к данной статье в связи с жалобой гражданина С. Ф. Шатило» (п. 4) // СПС КонсультантПлюс.

²⁴ См.: приговор Октябрьского районного суда Ижевска от 06.04.2021 по делу № 1-1/2021 // ГАС РФ «Правосудие».

²⁵ См.: апелляционное определение Верховного Суда Удмуртской Республики от 06.07.2021 по делу № 22-1122/2021 // ГАС РФ «Правосудие».

²⁶ См.: определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 27.12.2021 по делу № 77-6126/2021; апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Удмуртской Республики от 29.03.2022 по делу № 22-403/2022 // ГАС РФ «Правосудие».

бы размер контракта позволял вменить извлечение дохода в крупном размере.

По мнению автора данной статьи, картели на торгах не обладают причиняющей ущерб способностью. Переплата заказчика, которая может возникнуть в результате завышения начальной (максимальной) цены контракта или вследствие необоснованного отклонения заявки добросовестного участника торгов, должна рассматриваться как последствие преступных действий самого заказчика, а не участников картельного соглашения.

2. Преступления заказчика на торгах

В область уголовно-правовой оценки обычно попадают торги, проводимые в соответствии с Законом № 44-ФЗ. Субъектами преступлений, совершаемых на стороне заказчика в таких торгах, являются должностные лица, как они определены в п. 1 примечания к ст. 285 УК, либо не являющиеся должностными лицами уполномоченные лица, представляющие интересы заказчика в сфере закупок для обеспечения государственных или муниципальных нужд (в том числе работники контрактной службы, контрактные управляющие, члены закупочных комиссий).

К числу совершаемых ими преступлений относятся злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК), превышение должностных полномочий (ст. 286), получение взятки (ст. 290, 291.2), злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд (ст. 200.4), подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок (ст. 200.5). Перечень применяющих Закон № 223-ФЗ организаций практически совпадает с перечнем указанных в п. 1 примечания к ст. 285 УК организаций, принадлежность к которым дает носителю организационно-распорядительных и административно-хозяйственных функций статус должностного лица. Поэтому представители таких организаций-заказчиков обычно привлекаются к ответственности за преступления на торгах в соответствии со ст. 285, 286, 290, 291.2 УК.

Создание конкретному лицу преимуществ для победы на торгах со стороны должностных лиц заказчика, в том числе путем включения в конкурсную (аукционную) документацию заведомо некорректных сведений о предмете закупки (например, неполное описание технических характеристик, отсутствие проектно-сметной документации в отношении планируемых к выполнению работ), невыполнимых условий контракта (например, чрезмерно сжатые сроки выполнения работ), завышенных требований к потенциальным участникам торгов (например,

завышенные требования к опыту выполнения работ, к наличию штатных специалистов для исполнения контракта), необоснованное отклонение заявок добросовестных участников торгов, а также любое иное лоббирование победы конкретного участника торгов (например, адресованные добросовестным участникам торгов требования воздержаться от участия в торгах под угрозой создания препятствий при исполнении контракта) обычно рассматривалось судами как превышение должностных полномочий (ст. 286 УК) в форме действий, которые никто ни при каких обстоятельствах не вправе совершать.

Так, например, заместитель министра здравоохранения Самарской области осужден за пособничество в ограничении конкуренции (ч. 3 ст. 30 п. «а», «в» ч. 2 ст. 178 УК) и за превышение должностных полномочий (ч. 1 ст. 286). Он оказывал давление на руководство ООО «ЦЭХ-Здоровье» с целью понудить общество отказаться от участия в аукционе на выполнение работ по техническому обслуживанию и ремонту медицинского оборудования для учреждений здравоохранения Самарской области, обещая способствовать заключению субподрядного договора на выполнение части работ в случае победы в аукционе ООО «СМТ». При несогласии с этим предложением обещал создать ООО «ЦЭХ-Здоровье» проблемы с исполнением контракта, организовал внесение в аукционную документацию условий в интересах ООО «СМТ». Суд согласился с тем, что указанные действия чиновника выходили за рамки предоставленных ему должностных полномочий и повлекли существенное нарушение охраняемых законом интересов общества и государства, выразившееся в нарушении установленного законодательством РФ порядка проведения торгов и в поддержании высоких цен на торгах²⁷. Суды вышестоящих инстанций в этой части квалификацию поддержали²⁸.

Еще по одному делу о картеле заместитель руководителя ГУ МЧС России по Калужской области осужден за пособничество в ограничении конкуренции (ч. 3 ст. 30 п. «а» ч. 2 ст. 178 УК) и за превышение должностных полномочий (ч. 1 ст. 286). Как председатель единой комиссии по проведению закупок, он создал преимущества ООО «Связь-Транс.М» для победы на аукционе по поставке беспилотных летательных аппаратов на

---

²⁷ См.: приговор Самарского районного суда Самары от 31.07.2019 по делу № 1–4/2019 // ГАС РФ «Правосудие».

²⁸ См.: апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Самарского областного суда от 29.07.2020 по делу № 22–685/2020; определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 11.02.2021 по делу № 77–311/2021; апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Самарского областного суда от 15.07.2021 по делу № 22–1635/2021; определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 9.02.2022 по делу № 77–649/2022 // ГАС РФ «Правосудие».

сумму более 100 млн. руб., в том числе дал лоббируемому обществу возможность изучить заявки добросовестных участников, выявить в них формальные недостатки, за которые они не были допущены к участию в аукционе, утвердил результаты аукциона с минимальным снижением начальной (максимальной) цены контракта. Как указано в приговоре суда первой инстанции, этими своими действиями чиновник ограничил возможности ГУ МЧС России по Калужской области выбрать в установленном законом порядке организацию для сотрудничества, лишил добросовестных участников торгов права на свободную конкуренцию. Это повлекло существенное нарушение охраняемых законом интересов общества и государства в сфере защиты конкуренции, дискредитацию и подрыв авторитета органов государственной власти²⁹.

Когда ограничение конкуренции на торгах было связано с проявлением корыстной или иной личной заинтересованности должностного лица заказчика, в том числе сопровождалось получением взяток, суды нередко квалифицировали ограничение конкуренции на торгах как злоупотребление должностными полномочиями по ст. 285 УК.

Например, глава города Владивостока осужден среди прочего за злоупотребление должностными полномочиями, которое выразилось в лоббировании интересов фирм, связанных с членами его семьи, при организации подведомственным ему МУП «Дороги Владивостока» закупок строительных материалов. С этой целью на торгах осуществлялось укрупнение лотов, из контрактов исключались авансовые платежи, предъявлялись завышенные требования к размеру предоставляемой в обеспечение банковской гарантии (30% цены контракта), завышение цены муниципальных контрактов. Это повлекло существенное нарушение прав и законных интересов добросовестных участников торгов, а также тяжкие последствия в виде причинения МУП «Дороги Владивостока» ущерба от приобретения строительных материалов по завышенной цене и в виде дискредитации органов местного самоуправления (ч. 3 ст. 285 УК)³⁰.

Однако оправдана в злоупотреблении должностными полномочиями заведующая клинико-диагностической лаборатории государственного учреждения, которая, будучи инициатором закупок, за взятки включала в аукционную документацию требования к предмету закупки, которым максимально соответствовала лоббируемая ей фирма, в итоге признан-

²⁹ См.: приговор Калужского районного суда Калужской области от 24.02.2022 по делу № 1–8/2022 // ГАС РФ «Правосудие».

³⁰ См.: приговор Тверского районного суда Москвы от 9.04. 2019 по делу № 1–004/2019 // ГАС РФ «Правосудие» (дата обращения: 25.09.2023).

ная победителем 18 электронных аукционов на поставку медицинских изделий на общую сумму 35 млн. руб. Несмотря на то, что по данному делу были установлены и признаны потерпевшими добросовестные участники торгов, суд счел не доказанным существенное нарушение прав и законных интересов указанных организаций и вынес оправдательный приговор по ч. 1 ст. 285 УК³¹.

Вероятно, намеренное ограничение конкуренции на торгах путем манипуляций с конкурсной (аукционной) документацией или необоснованного отклонения заявок добросовестных участников торгов все же выходит за рамки формально правомерных действий должностного лица, которые предполагаются в ст. 285 УК.

Таким образом правоприменители пытались учесть в квалификации корыстную или иную личную заинтересованность, которой не было в составе превышения должностных полномочий. Однако после появления в 2022 году такого квалифицирующего признака в ст. 286 УК (п. «е» ч. 3) именно ее применение является наиболее релевантным выбором при квалификации ограничения конкуренции на торгах должностными лицами заказчика. Для применения этой нормы лицо должно не только исполнять технические функции на торгах, а быть носителем организационно-распорядительных полномочий, связанных с принятием юридически значимых решений, или административно-хозяйственных полномочий, связанных с распоряжением денежными средствами организации.

В доктрине идет дискуссия о организационно-распорядительных полномочиях закупщиков. С одной стороны, их носителями признаются контрактный управляющий и руководитель контрактной службы и не признаются члены комиссии по осуществлению закупок [Любый И.А., 2020]; [Любый И.А., 2019]. С другой стороны, именно члены закупочной комиссии признаются лицами, принимающими юридически значимые решения о рассмотрении заявок и определении победителя закупочных процедур, т.е. носителями организационно-распорядительных полномочий, которые, наоборот, не обнаруживаются у контрактного управляющего [Шурпаев Ш.М., 2022].

Последняя точка зрения выглядит более обоснованной. Не обладают организационно-распорядительными полномочиями в закупочных процедурах и не являются в них должностными лицами руководитель и работники контрактной службы или контрактный управляющий, а также инициатор закупки (руководитель или иное уполномоченное лицо подразделения, в интересах которого осуществляется закупка и которое

---

³¹ См.: приговор Курганского городского суда Курганской области от 27.01.2020 по делу № 1-22/2020 // ГАС РФ «Правосудие» (дата обращения: 25.09.2023).

обеспечивает подготовку закупочной документации). При безусловно существенной организационной роли они не принимают на торгах юридически значимых решений, влекущих юридические последствия. Что касается председателя и членов закупочной комиссии, они участвуют в принятии решений о выборе победителя торгов, влекущих юридические последствия, в том числе возникновение у заказчика обязанности заключить договор с победителем торгов.

Обязанность заказчика заключить контракт с победителем торгов предусмотрена в государственных и муниципальных закупках, в том числе в случае признания открытой конкурентной процедуры несостоявшейся. В закупках по Закону № 223-ФЗ должны применяться аналогичные подходы при отсутствии объективных оснований для отказа от заключения договора, если в положении о закупке не предусмотрено иное³². Однако комиссия по осуществлению закупок принимает решения коллегиально в процедуре открытого волеизъявления. Голосование членов закупочной комиссии в таком случае рассматривается как единое деяние и *conditio sine qua non* принятого решения [Есаков Г. А., 2019].

Целесообразно признать субъектами должностного преступления всех членов закупочной комиссии или их большинство при условии заведомого принятия ими необоснованного решения о признании победителем лоббируемого участника торгов, а также отклонении заявок (недопуске) добросовестных участников торгов.

Если в победе поставщика заинтересован один член комиссии или их меньшинство, его (их) голос (голоса) не являются достаточным условием принятия решения, а значит, у такого единого юридически значимого решения существуют и иные предпосылки, не связанные с «подыгрыванием» конкретному поставщику. В такой ситуации отсутствуют основания для признания заинтересованных членов комиссии лицами, обеспечившими принятие юридически значимого решения, а значит, они не будут носителями полномочий должностного лица (кроме, наверное, случаев оказания ими явного давления на иных незаинтересованных членов комиссии или введения их в заблуждение, когда действия таких членов комиссии теряют самостоятельное значение и приобретают характер посредственного выполнения объективной стороны преступления).

В общем ситуации совершения председателем и членами закупочной комиссии должностного преступления при проведении торгов мысли-

---

³² См.: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23.12.2022 № 57-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 432, пункта 1 статьи 438, пункта 4 статьи 445, пункта 5 статьи 447 и пункта 4 статьи 448 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой Акционерного общества "Системный оператор единой энергетической системы"» // СПС КонсультантПлюс.

мы, хотя их включение в круг субъектов ст. 200.4 УК и создает кажущуюся конкуренцию со ст. 285 и 286. Однако есть основания полагать, что предусмотренная в ст. 200.4 УК оговорка, что субъекты этого преступления не являются должностными лицами, относится как раз к тем случаям, когда заинтересованные члены комиссии не могут обеспечить принятия юридически значимых решений на торгах.

С момента введения в 2018 году ст. 200.4 УК имеет единичные примеры применения³³, и причина этого, скорее всего, — сама конструкция состава преступления, включающего обязательную корыстную заинтересованность и причинение крупного ущерба. Дело в том, что причинение ущерба в таких преступлениях обычно обусловлено завышением цены контракта, когда на применение уже претендуют нормы о преступлениях против собственности.

Заслуживает поддержки тезис о том, что выполнение субъектами, указанными в ст. 200.4 УК, технических функций на торгах дает им возможность совершить мошенничество путем введения в заблуждение должностного лица организации, реализующего административно-хозяйственные полномочия по оплате завышенной цены контракта лоббируемому «закупщиками» поставщику, что обоснованно предлагается квалифицировать только по ст. 159 УК [Борков В.Н., 2018]. Это предложение вполне согласуется с позицией высшей судебной инстанции о разграничении злоупотребления должностными полномочиями и преступлений против собственности, приведенной в п. 17 постановления Пленума ВС РФ от 16.10.2009 №19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий».

В отличие от ст. 200.4 УК должностные преступления, предусмотренные ст. 285 и 286, предполагают более широкий спектр возможных преступных последствий. Ранее на примерах из судебной практики мы продемонстрировали применение ст. 285 и 286 УК в случаях совершенных должностными лицами манипуляций на торгах, повлекших ограничение конкуренции и заключение контрактов с лоббируемыми поставщиками. Как представляется, такие последствия вполне претендуют на существенное нарушение прав и законных интересов добросовестных участников торгов, а также охраняемых законом интересов общества и государства в сфере защиты конкуренции как конституционной ценности (ст. 34 Конституции России).

---

³³ По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в 2018–2022 гг. по ст. 200.4 УК осуждено одно лицо и в отношении двух лиц судами прекращены дела по нереабилитирующим основаниям. Available at: URL: <http://cdep.ru> (дата обращения: 25.09.2023)

Исходя из этого, видится обоснованной квалификация действий должностных лиц, лоббирующих конкретных поставщиков на торгах и ущемляющих права их добросовестных участников, в качестве превышения должностных полномочий (ст. 286 УК). Оплата завышенной цены контракта по результатам таких торгов подлежит самостоятельной оценке как мошенничество (ст. 159) или как растрата вверенного имущества (ст. 160) в зависимости от факта использования должностным лицом административно-хозяйственных полномочий по оплате завышенной цены контракта лоббируемому поставщику.

Это также не противоречит позиции высшей судебной инстанции, выраженной в п. 17 упомянутого постановления, где еще сказано, что в случаях, когда должностное лицо, используя свои служебные полномочия, наряду с хищением чужого имущества, совершило другие незаконные действия, связанные со злоупотреблением должностными полномочиями из корыстной или иной личной заинтересованности, содеянное им надлежит квалифицировать по совокупности указанных преступлений.

Получение уполномоченными лицами заказчика незаконного вознаграждения за лоббирование интересов конкретного участника торгов, в зависимости от их статуса в судебной практике квалифицировалось отдельно по ст. 200.5, 290 или 291.2 УК. Когда кроме получения незаконного вознаграждения уполномоченное лицо заказчика обеспечивало заключение с лоббируемым поставщиком контракта по завышенной цене и производило расчеты с ним, содеянное квалифицировалось по совокупности коррупционного преступления и растраты либо мошенничества в соответствии с правилом, предусмотренным п. 25 постановления Пленума ВС РФ от 9.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взятничестве и об иных коррупционных преступлениях»³⁴.

Заключение

Исследование позволило выявить несовпадающие подходы арбитражной и судебной практики по уголовным делам в толковании признаков картеля, порождающие разногласованность и нарушение системных

---

³⁴ См., например.: приговор Куйбышевского районного суда Омска от 14.06.2018 по делу № 1-180/2018; апелляционное определение Верховного Суда Республики Коми от 16.09.2019 по делу № 22-2195/2019; апелляционное определение Верховного Суда Республики Коми от 12.03.2020 по делу № 22-371/2020; апелляционное определение Московского городского суда от 15.12.2020 по делу № 10-14361/2020; апелляционное определение Верховного суда Республики Коми от 31.05.2021 по делу № 22-159/2021 // ГАС РФ «Правосудие».

связей законодательства о конкуренции и уголовного законодательства. Конституционный Суд Российской Федерации разъяснил некоторые спорные вопросы судебной практики, но наиболее острых проблем правоприменения в делах о картелях не решил.

Последние изменения законодательства о конкуренции, связанные с отменой картельных иммунитетов на торгах, создают риски расширения практики применения антикартельных запретов на торгах в отношении аффилированных хозяйствующих субъектов, не являющихся конкурентами, действующих с единым экономическим интересом, что в корне не соответствует самой природе картеля. Скорее всего, этому спорному тренду последует и судебная практика по уголовным делам.

Подмены понятий и применения неподходящих по своей конструкции запретов можно было избежать за счет более продуманных законодательных инициатив, способствующих появлению новых инструментов противодействия практике согласованного участия в торгах аффилированных лиц, манипулирующих ценой контракта.

Усложнение системы регулируемых закупок, в том числе появление на стороне заказчика новых функциональных ролей, обеспечивающих организацию закупочных процедур, обострило проблему квалификации преступлений, совершаемых представителями заказчика на торгах. Недобросовестные действия указанных лиц по лоббированию участников торгов нередко содержат признаки должностных, коррупционных и имущественных преступлений. Правоприменитель сталкивается с нелегким выбором, когда указанные преступления нужно разграничивать как смежные либо вменять в совокупности.

Решение этих квалификационных проблем возможно с применением правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации при условии их расширительного логического толкования.

Список источников

1. Антонов В.Ф. Уголовная ответственность за ограничение конкуренции: вопросы квалификации. *Конкурентное право*. 2021. № 1. С. 8–11.
2. Борков В.Н. Злоупотребление в сфере закупок (ст. 200.4 УК РФ) и мошенничество. *Уголовное право*. 2018. № 4. С. 29–32.
3. Борков В.Н. Соотношение злоупотреблений в сфере закупок (ст. 200.4 УК РФ) с другими посягательствами на государственную собственность. *Законность*. 2018. № 7. С. 38–42.
4. Грибанова Д.В. Установление единого экономического интереса в делах о картелях и его влияние на квалификацию Уголовное право. 2023. № 6. С. 14–24.
5. Ермолович Я.Н. Уголовная ответственность за ненадлежащее исполнение государственного оборонного заказа и нарушение порядка осуществления го-

- сударственных закупок. Оборонно-промышленный комплекс: вопросы права. 2019. № 1. С. 15–26.
6. Есаков Г.А. Судебная практика по ст. 178 УК РФ: спорные вопросы квалификации. Уголовное право. 2022. № 6. С. 39–47.
7. Есаков Г.А. Картельное соглашение и номинальное участие в торгах. Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. №12. С. 76–90.
8. Есаков Г.А. Уголовная ответственность за ограничение конкуренции: проблемы и перспективы. Закон. 2019. № 8. С. 140–152.
9. Есаков Г.А. Экономическое уголовное право: Общая часть. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 359 с.
10. Любый И.А. Проблемные вопросы субъективного состава ст. 200.4 УК РФ. Российская юстиция. 2020. № 2. С. 27–29.
11. Любый И.А. Дефекты состава преступления, предусмотренного ст. 200.4 УК РФ. Администратор суда. 2020. № 4. С. 35–37.
12. Любый И.А. К вопросу об ответственности за злоупотребления в сфере государственных и муниципальных закупок. Российская юстиция. 2019. № 5. С. 54–56.
13. Филатова М.А. Проблемы толкования признаков злоупотребления в сфере государственных и муниципальных закупок // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. № 3. С. 28–50.
14. Шурпаев Ш.М. Специальный субъект в составах злоупотреблений и подкупа в сфере государственных и муниципальных закупок. Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. № 4. С. 51–70.
15. Яни П.С. Проблемы уголовно-правовой квалификации картеля. Законность. 2020. № 5. С. 45–49.

References

1. Antonov V.F. (2021) Criminal liability for restricting competition: qualification issues. *Conkurentnoe pravo*=Competiton Law, no. 1, pp. 8–11 (in Russ.)
2. Borkov V. N. (2018) Abuse in the field of procurement (Article 200.4 of the Criminal Code of the Russian Federation) and fraud. *Ugolovnoe pravo*=Criminal Law, no. 4, pp. 29–32 (in Russ.)
3. Borkov V. N. (2018) Correlation of abuses in the field of procurement (Article 200.4 of the Criminal Code of the Russian Federation) with other attacks on state property. *Zakonnost'*=Legality, no. 7, pp. 38–42 (in Russ.)
4. Ermolovich Ya. N. (2019) Criminal liability for improper execution of the state defense order and violation of the procedure for public procurement. *Oboronno-promyshlennyy kompleks: voprosy prava*=Military-Industrial Complex: Issues of Law, no. 1, pp. 15–26 (in Russ.)
5. Esakov G.A. (2022) Judicial practice under Article 178 of the Criminal Code of the Russian Federation: controversial issues of qualification. *Ugolovnoe pravo*=Criminal Law, no. 6, pp. 39–47 (in Russ.)
6. Esakov G.A. (2020) Cartel agreement and nominal participation in trading. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii*=Bulletin of Economic Justice of Russia, no. 12, pp. 76–90 (in Russ.)
7. Esakov G.A. (2019) Criminal liability for restricting competition: problems and prospects. *Zakon*=Law, no. 8, pp. 140–152 (in Russ.)

8. Esakov G. A. (2019) Economic criminal law. General part. Moscow: HSE Publishers, 359 p. (in Russ.)
  9. Filatova M. A. (2022) Aspects of interpretation of signs of abuse in the sphere of state and municipal procurement. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*=Law. Journal of the Higher School of Economics, no. 3, pp. 28–50 (in Russ.)
  10. Griбанова D.V. (2023) Establishment of a single economic interest in cartel cases and its impact on qualifications. *Ugolovnoe pravo*=Criminal Law, no. 6, pp. 14–24 (in Russ.)
  11. Lyubyy I. A. (2020) Problematic aspects of the subjective composition of Article 200.4 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Rossiyskaya yustitsiya*=Russian Justice, no. 2, pp. 27–29 (in Russ.)
  12. Lyubyy I. A. (2020) Defects in the crime under Article 200.4 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Administrator suda*=Administration of Court, no. 4, pp. 35–37 (in Russ.)
  13. Lyubyy I. A. (2019) About liability for abuses in the sphere of state and municipal procurement. *Rossiyskaya yustitsiya*=Russian Justice, no. 5, pp. 54–56 (in Russ.)
  14. Shurpaev Sh. M. (2022) Special subject in the composition of abuse and bribery in the field of state and municipal procurement. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*=Law. Journal of the Higher School of Economics, no. 4, pp. 51–70 (in Russ.)
  15. Yani P.S. (2020) Issues of criminal legal qualification of the cartel. *Zakonost'*=Legality, no. 5, pp. 45–49 (in Russ.)
-

Информация об авторе:

А.Н. Ляскало — доктор юридических наук, профессор.

Information about the author:

A.N. Lyaskalo — Doctor of Sciences (Law), Professor.

Статья поступила в редакцию 06.10.2023; одобрена после рецензирования 11.12.2023; принята к публикации 11.12.2023.

The article was submitted to editorial office 06.10.2023; approved after reviewing 11.12.2023; accepted for publication 11.12.2023.